

«Аида» Верди
Д. Верди

29/5-97
г. Москва
Большой театр

Большая мина при плохой игре

Премьера оперы Верди «Аида» в Большом театре |

Сегодня, - 1997, - 29 мая, - 2

МИЛА БЕДЕРОВА

СВОЕЙ новой премьерой Большой театр настаивает на том, что сегодня он выполняет прежде всего представительские функции. Никак не художественные и даже не политические. Претензию на выполнение последних Большой заявил в прошлом сезоне православно-самодержавно-народной постановкой «Хованщины» Модеста Мусоргского, индигированной и продирижированной Ростроповичем и срежиссированной Покровским. Попытка оказалась как минимум спорной.

Претензия на реализацию функций эстетических — незыблительная, serene постановка «Ботема» Пуччини — также не увенчалась успехом. И Большой, похоже, решил представительскими функциями ограничиться. В этом смысле «Аиду», сделанную в жанре парадного парада на Красной площади (с демонстрацией эффектной, но отнюдь не новой и не секретной военной техники), можно было бы назвать наиболее удачной оперной премьерой главного театра страны за последнее время.

Большая удача заключается в том, что «Аида» исключительно адекватна. Что хотели, то и изобразили. Без претензий на то, чего достичь решительно невозможно. Помпа, которая и не хочет быть чем-то, кроме себя самой. Такая постановка вопроса, конечно, невероятно скучна, но здесь Большому приходится выбирать между скукой и художественным риском. Большой выбирает первое. Вместо попыток прорваться к успеху сквозь творческие порождения — полная и безоговорочная художественная капитуляция. Новая «Аида» и не удаляет, и не разочаровывает. Она просто навевает полнейшее равнодушие.

Совершенно очевидно, что издерганный театр-мастодонт, ругаемый критиками и общественностью, но неизменно посещаемый гостями столицы, страстно желал одного — хоть как-то замаскировать финансовый кризис. Понятно, что для этого необходимо скрыть постановку, если не дорогую, то по крайней мере такую, которая выглядела бы дорогой и качественной. Замысел удался прежде всего стараниями художника-постановщика Сергея Баркина — единственного, кто заслуживает одностороннюю положительную оценку. «Аида» выглядит красиво и дорого. Спектакль решен в четырех цветах, сочетания которых впечатляющи: черный — красный — синий — золотой. Золотого сияния много, золотая пыль в глаза летит в поистине эффектных количествах, геометрические очертания декораций

Стилистика парадов на Красной площади соблюдена в спектакле безукоризненно

смотреться великолепно. Что и требовалось доказать.

Режиссеру Ирину Габитову остается только разместить главных действующих лиц и массовку среди всех этих торжественно-геометрических декораций и уподобить актеров золотому декору, массивным колоннам и пирамидальным постройкам. Естественно, что-

бы такое уподобление действительно произошло, актерам нужно поменьше двигаться. Желательно не двигаться совсем. Таким образом спектакль издается от обыкновенно сугливых и бестолковых мизансцен — избавляется, огменяя их воспе. Занятное решение.

Финальный дуэт умирающих Аиды и Радамеса (Елена Зеле-

нская — Виталий Тарашенко) вообще происходит среди стоящих столбами темных мурий. Так аскрывается статуарный, декоративный режиссерский замысел «Аиды» — не столько действие, сколько набор колоритных, помпезно застывших картин. Парадных портретов — индивидуальных и коллективных. Особую скуку навевает

наиболее красочное, самое золотое и массовое второе действие. Сквозная сцена решена как статуарная геометрия. Нечеловеческие объемы сценического пространства хорошо освоены, но картинка сама по себе перестает интересовать уже через несколько минут. Здесь обретается балет, который если и хорош, то лишь тем, что он есть и маскирует отсутствие какого бы то ни было действия. Балет — единственная часть постановки, которая по-настоящему неадекватна. К примеру, дети, загрижированные под героев известного детского мультфильма, танцуют натуральную «Чунгитангу», совершенно в «Аиде» не уместную.

Оркестр, к несчастью, оказывается всего лишь калкой с оркестрового великопия Верди. Дирижер Петер Ференц заставил его звучать пристойно, но совершенно нейтрально. Не удалось озвучить ни прихотливой и обаятельной ритмической пластики, ни тембрального и мелодического очарования вердиевской партитуры.

Впрочем, вся музыкальная сторона нового спектакля остается в вежливом отдалении как от торжествующего великопия, так и от волнующей историй страсти. Все певцы как один поют ровно, почти всегда чисто, но не более того. Аида-Зеленская в среднем регистре звучит хоть и глуховато, но вполне красиво. Однако низы невыразительны, верхний регистр дается с необычайным трудом, и кульминация арий выходит тоскливо-натуральными. Вильям Радамес-Тарашенко и грубоватая Ольга Терюшнова-Америкер только в финале отдают благодарное впечатление.

Статуарное, от души позолоченное представление нуждается в звездных голосах. Все было бы вполне достойно, если бы слух впечатлялся в «Аиде» так же, как взгляд. Хотя бы один золотой голос уже бы спас ситуацию. Он просто сверкал бы, подобно воинским доспехам, и все было бы довольно и счастливым. Постановка ведь и рассчитана на то, чтобы арии, облаченные в красивую сценическую упаковку, вызвали кажущаяся действительность, тут овалей. Здесь-то и обнаруживается дефект замысла. Промежуточные овалей кратки, не запявляют пустот происходящего, а финальные аплодисменты и воспе гложут, пока каждое следующее действующее лицо медлительно пробирается к сцене. И это на премьерном показе. Большая «Аида», претендующая на доказательство значимости Большого театра, погибшего под собственной тяжестью, завершается большим конфузом — редкими нестройными аплодисментами.